

Статью «Тотемизм» не следовало бы вообще включать в словарь: таких общих научных терминов есть немало; тогда надо было бы дать и статьи: «Анимизм», «Аниматизм», «Фетишизм», «Шаманизм» и пр., которых, конечно, в словаре нет. Само содержание статьи «Тотемизм» весьма расплывчато и совсем не соответствует современному состоянию этой проблемы в науке.

Ни к чему и небольшая статья «жарац живодеца» (стр. 156): это просто текст народной сказки, каких есть сотни.

Странно, что слово «балван» составители словаря считают «словом неизвестного происхождения» (стр. 19). Едва ли можно сомневаться в происхождении его из иранских языков (Пехлеван-богатырь), быть может через тюркскую языковую среду.

Подобные мелкие погрешности, однако, не меняют общего весьма положительного впечатления от рецензируемой книги. Было бы хорошо, если бы она послужила образцом для издания таких справочников и в других странах — особенно в СССР, где давно назрела потребность и в этнографическом, и в фольклорном словаре, и в собственно мифологической энциклопедии.

С. А. Токарев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Е. В. И в а н о в а. Тайские народы Таиланда. М., 1970, 198 стр.

В последние годы среди советских этнографов значительно повысился интерес к изучению этнографии и этнической истории тайских народов, которые являются самым крупным национальным меньшинством Китайской Народной Республики и основным населением Таиланда и Лаоса. Значительное число их живет и в Бирме.

Книга Е. В. Ивановой «Тайские народы Таиланда» посвящена вопросам происхождения, лингвистической принадлежности, материальной и духовной культуры тай Таиланда — наиболее многочисленной и развитой в культурном и экономическом отношении группе тайских народов. Это первая в советской литературе обобщающая работа в данной области.

Книга состоит из шести глав, в каждой из которых рассматривается определенный круг вопросов. Большинство глав подразделяется, в свою очередь, на связанные между собой тематические разделы.

Один из самых сложных вопросов, затрагиваемых автором монографии, — проблема лингвистического родства народов тайской группы (гл. 1). В настоящее время по этому поводу имеется две основные точки зрения, разделяемые различными исследователями.

Одни считают, что тайская группа относится к китайско-тибетской семье языков; другие же придерживаются мнения, что тайская группа не входит в эту семью, а родственна аустронезийским и мон-кхмерским языкам. Проанализировав значительное число лингвистических исследований, Е. В. Иванова приходит к выводу о справедливости второй концепции.

Автор прав и в том, что эта концепция еще нуждается в подкреплении данными других наук — антропологии, этнографии, истории (стр. 27). Однако нам представляется, что для подтверждения второй точки зрения проделанная работа еще явно недостаточна и в плане собственно лингвистических исследований.

Следует отметить, что классификация тайских языков, приведенная в рецензируемой работе, не может быть названа лингвистической: она построена по географическому принципу. Так, языки дун-шуйские и ли, включенные в северо-восточную подгруппу, в действительности являются самостоятельными ветвями по отношению ко всем остальным тайским языкам. Последние делятся, в свою очередь, на юго-западные тайские (сиамский, лаосский, шан, черные и белые тай и др.) и северные (чжуанский). Внутри юго-западной группы тайских языков можно выделить более мелкие подгруппы — южную и западную. Тогда к южным языкам будут относиться сиамский и лаосский, а к западным — шанский, однако относительно чжуанского языка они будут составлять одну подгруппу, а не две, как это предлагается в рецензируемой работе. Современная разработка классификации тайских языков содержится в ряде трудов¹. Впрочем, в процессе работы над книгой автор еще не имел возможности с ними ознакомиться.

Проблема происхождения современных тайских народов рассматривается во второй главе книги. Недостаток материала не позволяет с уверенностью назвать какие-либо конкретные племена предками сиамцев и лао. Автор справедливо критикует ученых, считающих, что сиамцы непосредственно отделились от шанов. В пользу этой гипотезы, правда, говорит адекватность сиамских надписей XIII в. (государство Сукотай) и надписей, сделанных на шанском языке. Но против нее свидетельствуют следующие факты:

¹ См., например: А. G. Haudricourt, La langue lakkia, «Bulletin de la société de linguistique de Paris», t. 62, fasc. 1, 1967; Fang-kuei Li, The Tai and the Kam-Sui Languages, «Lingua», vol. 14, 1965, pp. 148—179.

1. Формирование сямцев связано скорее не с государством Сукотай, а с королевством Аюття, которое и было прямым предшественником современного Таиланда. Основатель этого государства, король Раматибоди, согласно преданию, принадлежал к королевскому роду, правившему в лаосском княжестве Ченгмай. Язык государства Аюття и должен был лечь в основу современного сямского языка.

2. По данным лингвистики, близость между лаосским и сямским языками значительно больше, чем между последним и шанским.

Однако участие в качестве компонента какой-либо группы шанов в формировании сямцев и лао вполне вероятно. Е. В. Иванова как раз и обращает внимание на то, что лао юань произошли от мао-шань (из Монгмао) и нгай-лао (из Наньчао) и заселили территорию Ланьяна (столица Ченгмай). В другом месте автор монографии пишет: «Из тех компонентов, слияние которых дало народ „сям“, не следует, по-видимому, исключать ни тай-юнь, ни тай-яй (мао-шань), ни лао с северо-востока». Однако, если государство Сукотай и было основано шанами, предположение, что другие племена, близкие по языку лаосским, позже растворили эту группу и утвердили свой диалект, остается все же более вероятным. Автором проделана большая работа по исследованию этногенеза тайских народов. Однако эта тема, конечно, не исчерпана. Проблема происхождения сямцев еще требует тщательного изучения, и решение ее усложняется близким родством тайских языков.

В третьей главе рассматриваются хозяйство и материальная культура тай. Основное занятие населения — выращивание риса. Развитие получили также морской и речной промыслы. Животноводство в Таиланде носит вспомогательный характер. В главе приводятся сведения о жилище, населении, пище, одежде, прическе, украшениях тай (в основном сямцев и лао). Анализируются изменения, происходящие в настоящее время в связи с развитием капитализма в Таиланде и проникновением туда западной культуры. Автор отмечает, что многие из рассматриваемых аспектов материальной культуры теряют в настоящее время значение этнических признаков.

Анализ хозяйства и материальной культуры тай Таиланда, приводит автора к выводу о том, что тайские народы имеют много сходных черт, и основы их культуры были заложены еще задолго до прихода тай на территорию Таиланда. При переселениях тай оседали в районах, подходящих к сложившемуся уже у них типу хозяйства. Специфичность хозяйства различных групп тай объясняется, в первую очередь, различными природными условиями.

В четвертой главе дается краткий анализ развития тайского общества в период средних веков до наших дней. Подчеркивается специфический характер общественных отношений средневекового Таиланда. Не ставя перед собой задачи определения общественного строя этой страны в период средневековья, автор отмечает, что «отсутствие частной собственности на землю, характерное для Сиам вплоть до XX в., вряд ли дает право для характеристики его общества как феодального» (стр. 87). Подробно исследованы сущность, происхождение и особенности рабства в Таиланде. Особое внимание уделено тайской общине и семье. В настоящее время распространено семейное владение землей; окончательному отмиранию общины как института, по словам автора, препятствует низкий уровень развития производительных сил. «В тайской деревне сохраняются пережитки давних общинных традиций трудовой взаимопомощи» (стр. 99).

Интересны выводы о том, что система родства у тай отличается от систем родства у других народов Юго-Восточной Азии, а также, что между отдельными тайскими народами отмечается большое сходство систем родства. Особенности общественных отношений в локальных группах тай объясняются не их этнической спецификой а неравномерностью развития социально-экономических отношений различных районов страны.

Глава пятая, посвященная духовной культуре, открывается очерком о буддизме. В этом очерке излагается история проникновения буддизма в Сям, утверждения его в качестве государственной религии, а также дается характеристика его современного состояния.

Пережиткам древних религиозных воззрений посвящен следующий раздел данной главы — «Добуддийские верования тай Таиланда», занимающий центральное место. Раздел, о буддизме носит по отношению к нему вспомогательный характер, что вполне соответствует тематике рецензируемой работы.

В книге подробно описаны очень древние обряды, связанные с добуддийскими верованиями, представляющие интерес как памятники неписаной истории тай (родильные обряды, обряды, направленные на защиту ребенка от вредных влияний, свадебные обряды, похоронные обряды, обряды, связанные с земледелием). Работа содержит большой фактический материал, показывающий влияние религиозных воззрений тай и связанной с ними обрядности на повседневную жизнь тайского крестьянства. Анализируя фактические данные, автор выявляет происхождение некоторых обрядов. Отмечает различия, существующие в обрядности у некоторых этнических групп тайского населения Таиланда (в основном у сямцев и лао). В то же время недостаток материала не позволил, к сожалению, проанализировать специфические особенности обрядности у всех многочисленных тайских народов, что представляло бы большой интерес для их этногенеза. Добуддийские представления проявляются не только в существующей обрядности, но и в вере в духов «пхи», что также оказывает влияние на образ жизни тай и является характерной особенностью тайского этноса.

К сожалению, в книге почти нет сопоставления тайской обрядности и добуддистских пережитков в религии со сходными явлениями у соседних народов не тайского происхождения. Научная значимость таких данных несомненна, однако мы не в праве упрекать автора за то, что они отсутствуют, так как Е. В. Иванова не ставила перед собой цель осветить эту тему, которая может послужить предметом специального исследования.

В разделе об архитектуре, скульптуре и живописи рассматривается материал о происхождении и развитии этих видов искусства в Таиланде, о влиянии на них искусства соседних народов, отмечаются характерные заимствования. Далее автор пишет об основной цели исследования: «Задача исследователя тайской культуры состоит не только и не столько в установлении всех разнородных элементов, из синтеза которых она произошла, сколько в анализе той своеобразной манеры преломления заимствуемого, которая свойственна племени тай, и в выявлении творческого духа его создателей» (стр. 156). Процессам возникновения и развития литературы, театра, танцев и музыки посвящены заключительные разделы главы о духовной культуре.

Исследуя этнические процессы в современном Таиланде (глава VI), Е. В. Иванова приходит к выводу о том, что они протекают интенсивно. Формирование тайской нации носит ассимиляторский характер, который обусловлен интересами сиамской буржуазии.

Такое решение национального вопроса вызывает противодействие со стороны наиболее развитых народов страны, например, лао. Автор пишет о том, что с сиамами в первую очередь сближаются народы, стоящие на одинаковом с ними уровне экономического развития; в то же время остальные племена (сеной, семанги и др.) находятся вне ассимиляционного процесса и продолжают сохранять самобытность своей культуры.

В конце книги подводятся итоги исследования. Работу завершает обширный список использованной литературы.

Таким образом, работа Е. В. Ивановой «Тайские народы Таиланда» охватывает все основные проблемы этнической истории и этнографии тайского населения Таиланда. В книге содержатся самые разнообразные сведения по истории, литературе, архитектуре, живописи этой страны. Широко использован лингвистический материал. Работа бесспорно, представляет большой интерес для специалистов, занимающихся различными вопросами истории и культуры Южного Китая и Юго-Восточной Азии.

В. И. Гохман

НАРОДЫ АФРИКИ

M. P o w n e. Ethiopian music. An introduction. A survey of ecclesiastical and secular Ethiopian music and instruments. London — New York — Toronto, 1968, 153 p.

Богатая, древняя и своеобразная культура народов Эфиопии, унаследовавшая многое из средиземноморских цивилизаций (от Древнего Египта до Византийской империи) и семитской культуры Аравии — прародины населяющих Эфиопию семитоязычных народов, всегда привлекала внимание исследователей. История, литература, религия этой страны были и являются объектом изучения многих ученых. Начиная с XX в. значительное внимание стало уделяться также материальной культуре и фольклору, широко осуществлялись археологические, лингвистические и этнографические экспедиции. И лишь эфиопская музыка была и, к сожалению, остается фактически неисследованной. До XX в. почти не было работ, посвященных этой интереснейшей теме, если не считать приложений к работам Мариануса Викторуса (1552 г.) и Иова Лудольфа (1691 г.), которые теперь представляют интерес лишь для истории изучения вопроса. В XX в. вышло в свет считанное число работ, причем наиболее информативные из них, за исключением, пожалуй, работы Мондон-Видайе, появились лишь к середине века¹.

На фоне такой скудости литературы по эфиопской музыке книга Майкла Поуна «Эфиопская музыка» не может не порадовать читателя. Работа представляет собой введение в изучение музыки народов Эфиопии, охватывает самый широкий круг вопросов и поэтому интересна не только для узких специалистов, музыковедов-африканистов, но также для историков, этнографов и фольклористов. Ценность книги заключается также в том, что в основу ее положены полевые материалы, собранные автором во время экспедиции в Эфиопию, длившейся с 1954 по 1960 г., данные, полученные в результате изучения коллекции музыкальных инструментов в Музее Института эфиопских исследований при университете им. Хайле Селассие I, и собрания гимнографических рукописей в Эфиопской Национальной библиотеке. Использовал М. Поун

¹ E. Wellesz. Studien zur aethiopischen Kirchenmusik, Oriens Christianus, 1920; C. Mondon-Vidaihet, La musique Ethiopienne, «Encyclopedie de la Musique et Dictionnaire du Conservatoire», Paris, 1922; G. Barblan. Musiche e strumenti musicale dell'Africa orientale italiana, Naples, 1941; H. Hickmann, Aethiopische Musik, Die Musik in Geschichte und Gegenwart, Kassel, 1949—1951. M. Cohen, Sur la notation musicale ethiopienne «Levi della Vida Festschrift», Roma, 1956.